

В сценарии, представленном американским философом Фрэнсисом Фукуямой, окончание холодной войны должно было стать провозвестником блаженного конца истории². Вместо этого, как мы знаем, интеллектуальная арена, на которой некогда главенствовал идеологический спор коммунизма с западным либерализмом, стала свидетелем возникновения категорий культуры — религии, расы, цивилизации и идентичности, которые по меньшей мере оказались столь же смертоносными и вызывающими раздоры, сколь и категории идеологические.

Террористические акты 11 сентября 2001 года обеспечили идеальную возможность людям, которые в Соединенных Штатах и Европе занимались поисками нового жупела, лишний раз утвердить превосходство Запада. Так мы вошли в век «глобальной войны с террором», а история возобновила цикл насилия к вящему удовольствию группы консервативных интеллектуалов, чьи взгляды восходят к Макиавел-

¹ Основатель и директор Центра диалогов Нью-Йоркского университета. Дипломат. Автор книг: «Le Bruit dort», «For Nelson Mandela», «La montagne du lion: roman», «Lion mountain», «La rage aux tripes: [roman]», «Un après-midi dans le desert: roman» и др.

² New York: Harper Perennial, 1992.

Мустафа Тлили¹ ЕВРОПА И ИСЛАМ

ли. С таким же успехом Ирак предоставил шанс для военно-промышленных влиятельных кругов. А в свете нынешней ситуации в Афганистане «зеленая угроза» оправдалась не в меньшей, если не в большей степени, чем «красная».

Попытки изображать ислам в виде нового врага принимают все более спорные формы, и среди них не последнее место занимают попытки отдельных авторов, включая и некоторых ученых, исключить ислам из западного исторического нарратива. Важно показать, насколько бессодержательными на самом деле являются выдвигаемые при этом аргументы. Если принять, что Европа — родина Запада, то следует рассматривать общую историю, идентичность и судьбу Европы и ислама.

Хотя любая страна в Европе обладает собственными характерными историческими чертами, ее национальная идентичность не может быть совершенно отделена от идентичности европейской. А европейская идентичность не может быть отделена от вековой связи с исламом.

История учит, что христианство существовало задолго до того, как оформилась европейская идентичность. На протяжении более семи веков христианство

непрерывно взаимодействовало с мусульманским миром. И это взаимодействие, порой мирное, порой насильственное, положило начало непрерывной цепи материальных, интеллектуальных, коммерческих и культурных обменов, которые в глубине своей сформировали христианскую и мусульманскую ментальность. Андалузский период, столь хорошо описанный Марией Розой Менокал в книге «Орнамент мира: как мусульмане, евреи и христиане создали культуру терпимости в средневековой Испании», без сомнения, представляет собой лучшую иллюстрацию плодотворности этого многомерного и многогранного взаимодействия¹. В ходе этого процесса выковывалась европейская идентичность, сначала на уровне полиэтнических империй, затем постепенно выросла до уровня современных наций. Когда на Западе вспоминают об этом историческом периоде, то зачастую просто ссылаются на отдельные сражения — от битвы при Пуатье до Константинополя — или, в более широком контексте, на войны, такие как Крестовые походы или Реконкиста. При этом часто опускается тот факт, что и в Андалузии, и на Святой Земле между сражениями были длительные периоды, в течение которых люди общались, обменивались идеями, влюблялись, женились — все в атмосфере, исключительно доброжелательной к исламу (не только в военном отношении, но и в гражданском контексте). Можно уверенно утверждать, что средневековая европейская идентичность, а позднее идентичность европейских наций, была вскормлена достижениями ислама в философии, науке и искусстве.

Весьма показательно то, что в XII веке в городах Испании, отвоеванных католиками у мусульман, взялись за трудную задачу перевода на латынь созданных на арабском языке шедевров. Эти труды послужили источником некоторых богословских споров, будораживших Сорбонну и Оксфорд в последующие столетия.

Сегодня ученые все больше осознают ту фундаментальную роль, которую мусульманский мир, главным образом арабский, сыграл в становлении того, что ныне большинство людей именует «западной цивилизацией». Эта роль не ограничивается, как иногда полагают, сохранением наследия древнегреческих мыслителей на протяжении европейских «темных веков», но, скорее, включает серьезный вклад мусульманских математиков, астрономов, врачей, художников, архитекторов и философов. Их деятельность развивалась в тесном сотрудничестве с христианскими и иудейскими мыслителями как в средневековой Европе, так и в Северной Африке и в арабском мире — трех регионах, связанных с мусульманской Испанией Аль-Андалуса (а также в меньшей степени с отдельными местами в Италии). Совместными усилиями они способствовали формированию культурной идентичности, которую мы сегодня знаем как «европейскую» или, в более широком смысле, как «западную».

К концу Средневековья расстановка сил между погруженным во внутренний мир исламом и разви-

вающейся Европой начала смещаться в сторону последней. Центры интеллектуальной и культурной деятельности перемещались в европейские города, которые сбрасывали феодальные узы и обретали новую для себя свободу. По иронии судьбы победное шествие нового мирового порядка привело к странной исторической амнезии: исламская история Европы оказалась напрочь забытой.

То, что в наши дни очень немногие европейские студенты могут рассуждать об Аль-Фараби, Ибн Сине (Авиценне), Ибн Рушде (Аверроэсе), Ал-Хорезми или Ибн Ал-Хайсаме, не случайно. Подобное «упущение» можно объяснить тем, что европейские страны — Испания, Франция, Италия и Англия — отказались от культурного наследия, которому они обязаны своим рождением, в пользу мифической истории о непрерывной исторической преемственности между Древней Грецией и современной Европой. Этот миф укрепляется за счет сосредоточенности на конфликтах в отношениях между Западом и исламом, например, на усиленном внимании к военным столкновениям, как выигранным, так и проигранным, и таким образом превращает ислам из незаменимого друга, которым он столь долго был, в наследственного врага.

В европейском подсознании и сегодня устойчиво сохраняется это неприятие мусульманского наследия, несмотря на обилие исторических фактов, подтверждающих влияние ислама на европейскую идентичность.

К счастью, после трагедии 11 сентября мы стали свидетелями зарождения интереса среди историков к общей идентичности, которая связывает ислам и Европу, при этом более глубокого, чем это отражено в упрощенной теории «столкновения цивилизаций», состроенной Сэмюэлем Хантингтоном. В дополнение к «Орнаменту мира» профессора Менокал стоит упомянуть еще три книги: «Потерянная история: бессмертное наследие мусульманских ученых, мыслителей и художников» Майкла Гамильтона Моргана², «Горнило Бога: ислам и становление Европы в 570–1215 гг.» Дэвида Леверинга Льюиса³ и «Исламская наука и становление европейского Ренессанса» Джорджа Салиба⁴. Эти четыре книги представляют собой блистательный вызов вопиющему невежеству теории «столкновения цивилизаций», развитой неоконсерваторами, чтобы оправдать свою политическую и милитаристскую программу по завершении холодной войны.

Но Хантингтон не единственный виновник. Стремление к отрицанию мусульманского вклада в европейскую идентичность прослеживается и в других книгах. Например, в такой как «Аристотель на горе Сен-Мишель: греческие корни европейского христианства» профессора Лионского университета Сильвена Гуггенхайма, который утверждает, что мусульманские ученые не могли усвоить греческий рационализм и передать его наследие Европе из-за творческой неспособности ислама, вызванной его беспрекословным подчинением божественной

² Morgan M. H. *Lost History: The Enduring Legacy of Muslim Scientists, Thinkers and Artists*. Washington, 2008.

³ Lewis D. L. *God's Crucible: Islam and the Making of Europe*. N. Y., 2008.

⁴ Saliba G. *Islamic Science and the Making of the European Renaissance*. Cambridge, 2007.

¹ Menocal M. R. *The Ornament of the World: How Muslims, Jews, and Christians Created a Culture of Tolerance in Medieval Spain*. N. Y., 2003.

воле¹. По Гуггенхайму, Ренессанс обязан своим рождением монахам нормандской крепости Сен-Мишель — тому месту, что ныне стало частью Нормандии. Вопреки общепризнанным историческим свидетельствам, он полагает, что именно монахи крепости Сен-Мишель восстановили для Запада утраченный массив текстов классической античности и задолго до арабских ученых усвоили Аристотеля, Платона, Птолемея и Евклида. Этот исторический спор чрезвычайно важен, поскольку он разоблачает неверное представление о том, что мусульманские сообщества являются чем-то чужеродным для Запада или же представляют собой феномен XX столетия.

Если принять во внимание степень предубеждения против ислама, как сегодняшнего, так и исторического, то движемся ли мы в направлении неизбежной глобальной конфронтации? Ответ на этот вопрос крайне важен, и найти его в наших силах. Ислам — неотъемлемая часть Запада; его нельзя просто так «сделать изгнанником». Только в Европейском Союзе проживает 20–25 млн мусульман. Многие из них родились в Европе или живут здесь уже десятилетиями, хотя, как показывают недавние исследования, их воспринимают как нечто отдельное от национальных сообществ, частью которых они являются. Европейские мусульмане вносят значительный вклад в экономическое благополучие и культуру континента; они представляют собой важный ресурс для Европы в условиях сегодняшней глобализованной экономики. И завтра Европа будет нуждаться в мусульманах даже в большей степени, чтобы поддерживать численность населения и удовлетворять растущий спрос на труд.

Часто замечают, что европейские мусульманские сообщества не сумели «интегрироваться», хотя никакой стандарт успешной интеграции так и не выработан ни правительствами, ни общественными науками, ни средствами массовой информации. Не на-

стало ли для Европы время предложить своему мусульманскому населению четкое определение прав и обязанностей, а также личных свобод каждого гражданина? На некоторых, подобных этому, форумах я уже призывал правительства, культурные объединения, работодателей, образовательные учреждения, религиозных деятелей и иных разработать «новый гражданский пакт», который лишней раз подтвердил бы право европейских мусульман на сохранение своей системы ценностей в полном согласии с гражданской культурой и правовой системой их новой отчизны. Соединенные Штаты Америки достигли успеха в том, что сумели объединить иммигрантские слои населения в общество на основе гражданства. Европе следует обратиться к этой модели, чтобы избежать опасности отчуждения и радикализации своих мусульманских сообществ.

Процесс этот не будет легким. Пропасть между мусульманами и немусульманским большинством в Европе может объясняться многими политическими, экономическими и социальными причинами, а также историческими противоречиями, которые трудно разрешить. Для одних ислам всегда был целью европейской агрессии, для других Европа всегда была целью исламской агрессии. Оба подхода игнорируют семь столетий, когда судьбы Европы и ислама были неразделимы. Признание этого периода продуктивного сосуществования не только восполнило бы огромный исторический пробел, но и заложило бы основу для общего чувства европейской идентичности.

Если нам это удастся, европейские мусульмане, возможно, станут образцом для более обширного мусульманского мира, который борется за то, чтобы установить равновесие между верой, традицией и современностью. И это, быть может, в свою очередь приведет к более мирным и продуктивным отношениям между Западом и мусульманским миром. Я верю, что мы сумеем воплотить эту мечту в реальность.

¹ *Guggenheim S. Aristotle at Mount Saint-Michel: Greek Roots of European Christianity. P., 2008.*